

Оливия КРОСС

ТАЙНЫ ПОМЕСТЬЯ ДЕМИДОВЫХ

книга 6

ЧУЖОЕ
ЛИЦО

ОЛИВИЯ КРОСС

Тайны поместья Демидовых

<https://litres.ru/74052729>

SelfPub; 2026

Аннотация

«История повторяется. Маргарита тоже думала, что победила.»

Они пережили подвал и яд в бокале. Но дом Демидовых хранит тайны глубже, чем ржавые шпильки в старых люстрах.

В поместье входят чужие. Фотографии исчезают со стен. На зеркале помадой выведено: «История повторяется. Маргарита тоже думала, что победила». Кто оставил это послание? Кто такая Маргарита — и почему её имя всплывает в архивных записях XIX века, которые кто-то пытался вымарать?

Люстра падает, едва не убив Марка. Совпадение или подготовленный механизм? Архивный работник Леонид Соколов протягивает нить — запись о тайном венчании на полях старой метрической книги. И фраза, которая меняет всё: «Дед знал».

«Чужое лицо» — роман о том, как прошлое дышит в каждом миллиметре старого дерева, как бумага говорит громче слов и как двое людей учатся доверять, когда мир вокруг рушится.

Книга 6 в цикле «Тайны поместья Демидовых»

ОЛИВИЯ КРОСС

Тайны поместья

Демидовых

ЧУЖОЕ ЛИЦО

Книга 6

Эпиграф

«История повторяется. Маргарита тоже думала, что победила.»

Глава 1 . Новое молчание

Утро держалось чисто, как только что вымытый стеклянный лист. Оранжерея перестала бить дождём — шуршала, будто кто-то протягивал мягкую кисть по ребристому стеклу. В коридорах пахло воском, тёплым деревом и тем самым «аппаратным» озоном, который за ночь успел осесть в волосах и на коже, как лёгкая пыль. Подвал отдавал себя не лужей — минералкой: воздух «подсох», но не до конца. Щитовая гудела на границе слышимости — ровно, как сердце под ватой.

Лидия прошла босиком по холодной плитке служебного хода, накинув кардиган теснее, чем надо. Кофемашина щёлкнула, как затвор маленькой камеры. Пар пошёл тонкой струёй, ударил в фарфор — у их кружек был свой «дзинь», узнаваемый. Она подставила чашку на полсантиметра левее, чтобы не поймать первый «брык» — привычка экономить чистое.

В проёме кухни тихо сместился воздух — Марк вошёл. Он всегда касался косяка плечом так, чтобы дерево не скрипнуло, но «отметилось». Взял второй стакан, поставил рядом с её, не дыша в пар. Его рукав едва коснулся её локтя, и это «едва» вошло в кожу, как игла термометра: холод/тёпло, факт. Она отодвинулась на палец — и сразу пожалела: слишком нарочито. Он сделал вид, что заметил только кофе.

— Доброе, — сказал он. Голос лёг ровно, без «операционной» сухости и без «добавить тепла».

— Доброе, — ответила она.

Машина отдала вторую порцию. Он подвёл чашку так, чтобы их блюдца не встретились ребрами. Лёгкая электрическая тишина затекла между ними, как вода в щель. Она была не враждебной. Она была другой. Новая.

— Ты спала? — спросил он без лезвия «контроля».

— Достаточно, — сказала она. Правда была где-то между «да» и «нет»: тело «проспало», голова — держала «комнату просмотра» как открытую крышку.

На краю стола лежала салфетка с тонким масляным кружком — от чьих-то пальцев накануне. Лидия сложила её пополам, бросила в ведро — жест «снять лишнее». Он поставил чашку ближе к её руке, не касаясь. Пар прошёл над её пальцами, волосы на них отдали мурашкой. Она не забрала руку. В этом доме у них было много «не делать» и мало «делать», но утро после подваластавляло другие приоритеты: не лезть в слова раньше рук.

Василий показался в проёме, постучал костяшкой в косяк — его «я тут»: два коротких. На нём была чистая рабочая куртка, без запаха улицы; он уже сменил грязное на «домовое».

— Щитовая — ровно, — сказал он. — «Маяк» — затих. Влажность внизу — идёт вниз со скоростью «нормально». «Комнату» я не трогал. «Карантин» — как ставили. Газеты у ворот — были. Охрана сказала «кофе остынет».

— Спасибо, — ответил Марк. Он не спрашивал, кто именно «газеты». Это не меняло «периметра».

Лидия сделала глоток. Кофе обжёг язык одним местом, как всегда. Тепло пошло вниз по горлу, и стало тише. За окном оранжереи капли набросали узоры на стекле. Она поймала себя на том, что рассматривает их, как рассматривают старую бумагу на просвет: где тоньше, где плотнее. Утро после подвала заставляло смотреть на всё как на «материалы».

— Я поднимусь в библиотеку, — сказала она. — Посмотрю на «карантин». Прокладки — «дышат».

— Я пройду коридоры, — произнёс он, как пункт. — Потом — кабинет.

Их дорожки разошлись по дому без трения. Они не нуждались сейчас в «инструкции»: каждый знал свой шов. Она двинулась на лестницу — не торопясь. На третьей ступени дерево ответило «тик» — не её вес, влажность. Дом разговаривал понятным языком.

В библиотеке пахло нищим: клейстер и чистая бумагопыль. Окно стояло «на два пальца», свистил тихо. «Карантин» лежал плоско, как положили вечером: лист к листу, прокладки по углам. Угол «репака» был приподнят на два

миллиметра — вода стекала в таз через картонную «горку». Она кончиком ногтя дотронулась до кромки — не липнет, «схватывается». Хорошо.

Она надела перчатки — тонкие, чистые. Сняла верхний лист «журналы 58», подложила узкую японку вдоль влажного «хвоста». Кистью провела воздух — без клея; иногда достаточно «пригладить дыханием». Лампу отвела на полделения, чтобы свет не грел кромку. Эти простые физики возвращали голову на место. Воздух за спиной сдвинулся на палец — Марк остановился у порога. Он не заходил. Библиотека — «по списку». Сегодня — её руки. Его место — воздух. Его взгляд лёг на «карантин» — не на неё. Она это отметила как навык: «видит не «меня», «моё»».

— Как свет? — спросил он.

— Тёплый у левого бока, — сказала она. — Я убрала.

Он кивнул и остался у двери ещё на секунду. Это была новая вещь: он научился стоять рядом, не «помогая». От этого в воздухе стало легче.

Она сняла перчатки, вывернула, как кожу, и положила на край. В кармане кардигана лежал ключ «М.В.». Холод металла отдался в пальцы, как короткая игла. Это был верный

холод. Инструмент — не талисман. Она повернула ключ на четверть оборота в кармане — успокаивающая, знакомая моторика. Положила блокнот «домовой» на стол. «Вечер — по одному правдивому» — записывала вчера. Сегодня — не время писать. Сегодня — дышать.

— Василий сказал «газеты у ворот», — произнёс Марк, стоя всё там же. — Я закрыл калитку. Если полезут в холл — «кофе остынет» вторично. Но утром они редкие. Рассосётся.

— Угу, — сказала она. Внутри это «угу» держало две вещи: «мы не играем с прессой» и «в доме нет «случайных»». Она не любила «светских». Они всегда портят бумагу пальцами.

Он не ушёл: повёл плечом, сокращая расстояние на полшага — так, чтобы воздухоструя от окна не била ей в затылок. Его рукав едва коснулся её плеча. Микросекунда. Кожа ответила теплом, как приёмник на нужной частоте. Она инстинктивно отвела взгляд — на лампу, на стрелку влажности — куда угодно, только не туда, где его глаза, иначе дыхание сорвётся. И тут же пожалела. Рефлекс «сохранить себя» работал лучше «встретиться глазами». Дом ей помог: свист форточки усилился, лампа дала тонкую тень — внимание вернулось к делу.

— В библиотеке душно, — сказала она, и это не было про воздух.

— Переведём, — ответил он коротко. Он не полез в разговор. Он сделал то, что говорит эта фраза: не «копаться», дать ей «другую комнату».

Они вернулись в коридор. С постамента с вешалками пахнуло щёткой для ковров — Василий где-то поблизости подбирал бахрому: «дом в кадре». У оранжереи стекло оставляло на пальцах прохладу; ручка двери — металл — отдавала привычный холод «да». Иногда достаточно просто подержаться.

Кофе на столе в малой остыл на палец. Они сели — не друг напротив друга, а в линию: так разговоры короче, спина видит свет. Свеча не горела — «запятая» не нужна утром. Он потянулся за чашкой и задел её локоть — совсем. Ударил искра — не в кожу, в воздух: сухая, бесшумная. Новое молчание вспыхнуло и не сгорело — осталось.

— По одному правдивому — вечером, — сказал Марк. — На бумаге. Сегодня — «рабочее».

— На бумаге, — повторила она. — И — «рабочее».

Сказанное легло на стол, как два чистых ярлыка — без витиеватой «красоты».

Василий зашёл «на кошачьих», поставил у двери пластиковый бокс — внутри силикагель, белые конверты.

— Для «влажных» — на случай, — сказал он. — И — журнал ИБП. Ночью — одно «цок» на пять. На люстры — не влияет. Я посмотрю крепёж позже, без «героики». Металл — любит тишину.

— Спасибо, — произнесла Лидия. Она ощущала, как эти его «мелочи» держат дом. Как тонкий шов на старой ткани, который никто не видит, пока не разойдётся.

Он исчез. Дом остался с ними вдвоём. Пар от кофе совсем ушёл, оставив запах горечи и чего-то сладкого в донышке. Марк взял чашку, сделал маленький глоток, поставил. На месте, где его пальцы касались фарфора, остались незаметные следы — чистые. У него руки всегда сухие, без крема. Ей это нравилось — по-профессиональному.

— У нас новое молчание, — сказала она, сама удивившись слову. — Оно не про «не говорить». Оно про «не ломать».

— Не ломаем, — произнёс он. И добавил так же ровно: — Я вижу, как ты смотришь на вещи после ночи. И — как отворачиваешься. Это — не упрёк.

Она кивнула. Признание без обвинения ложилось легче, чем любой анализ. Она не хотела объяснять, что в темноте, когда он нашёл её руку, привычная моторика раскрутилась обратно к простым рефлексам. Что утром эти рефлексy живут в коже дольше, чем мысли в голове. Он и так это знал — телом.

— Я пройдуь по галерее, — сказал он. — Потом — кабинет. Если что-то «душно» — скажешь.

— Скажу, — ответила она.

Его ладонь на миг легла рядом с её на столе — параллельно. Никаких касаний. Просто две ладони в одном ряду. Простая, рабочая геометрия. Она почувствовала, как дыхание стало ровнее — пламя не качнётся, если его нет.

Он ушёл в холл. Там полироль пахла ровно. «Женщина в жемчугах» смотрела не в лицо, а в зал — без «мистики». По дороге назад он поправил провисший край ковра — двумя пальцами. Так у них и держится новый день: по пальцу, по миллиметру, по шву.

Лидия вернулась к «карантину». Провела по листу концом кисти — сухая. Угол «репака» сдал ещё каплю, и та мягко легла в таз. Дом работал как надо. Она записала в «домовой»: «Утро после воды — «сухо» в коридорах; библиотека — «на два пальца»; «карантин» — держится. Мы — «на бумагу вечером»». Над строкой получилась маленькая грязная точка — графит лёг толще. Она провела ластиком — два раза — и улыбнулась едва. Ластик оставил тёплый след в воздухе — резиновый, знакомый с детства. Простые запахи лучше слов.

Её шаг в сторону привёл к стеклянной двери оранжереи. Ручка была холодна. Она взяла металл, как берут край линейки перед резом, — чтобы успокоить руку. За стеклом двор светлел, как ватман. Капли стекали вниз безостановочно — серые нитки в одну сторону.

Она слышала его шаги — без «позы». Марк вернулся в малую тихо. Поставил на стол чистую чашку — для чая. Не для кофе. Это была ещё одна, новая, маленькая договорённость: утро не «по второму кругу». Утро — «новое».

— До вечера, — сказал он. — «Правдивые» — в шкатулку. Без «сцены».

— Без «сцены», — повторила она. И сразу добавила, что-

бы не растягивать воздух: — Я в городе не поеду одна больше. Это не про контроль. Про нас.

Он выдохнул коротко, как снимают нажим у резака.

— Я поеду с тобой, — сказал он. — Когда будет «надо». Не «зачем». «С тобой».

Голова хотела ответить чем-то вроде «это не обязаловка» или «спасибо». Руки выбрали другое. Она подвинула чашку на сантиметр к нему. Он придвинул свою на сантиметр к ней. Между блюдцами остался узкий зазор — «на палец». Им этого хватило. Новое молчание стало похожим на предмет, который нашёл свою полку. Дом это понял — лампа в малой не качнулась, окно не свистнуло громче, портьера не задела косяк. Всё встало.

Она поднялась, взяла блокнот и закрыла крышку «свечной» шкатулки ладонью, как закрывают книгу, в которой остановилась на главе. Сегодня внутри шкатулки будет ещё по одной полоске — вечером. Не больше. Дом любит дозировку.

— Пойдём, — сказала она. — Дом — ждёт «дела».

— Пойдём, — сказал он.

Они вышли в коридор рядом, не касаясь. Но в каждом движении было касание, которого достаточно. Дом принял этот день так же, как принял их ночь: через детали, воздух и точные руки. И это «мы» впервые ощущалось не громче, а тише всего остального — и оттого настоящим.

Глава 2 . Бумага говорит

Марку не нравилось утро, в котором вещи приходят сами. У ворот, под левой створкой, торчал серый уголок — бумага, намокшая у кромки. Охранник поднял голову от монитора, но не двинулся: у них было правило — внутрь ничего «для чтения» не заносить без команды. Он просто кивнул: пришло.

Маркуснял газету двумя пальцами за сухой край, не давая мокрому пропитать ладонь. Бумага была жёсткая, как дешёвый ватман; на сгибе — полоса, покоробленная дождём. Запах типографской краски бил знакомо — грубой сладостью. Заголовок сел в глаза сразу: крупный, без знаков вопроса у шрифта, зато с вопросом в конце фразы: «Примирение кланов или финансовый расчёт?» Ниже — фотография с приёма: свет жёлто-белый, бокал в его руке, её плечо, тёплое, открытое наполовину, взгляд не в камеру. Подпись — сухая, чужая, с чужими именами через запятую, как будто их мож-

но поставить в одну строку и получить «сюжет».

Он сложил газету пополам, чтобы картинка исчезла. На пальцах остался серый след краски. Губы сложились в ту самую прямую линию, которую он у себя не любил: не гнев, а отрез. Он отдал охраннику короткую установку:

— Сегодня — никаких «передач в дом». Любой «комментарий» — «кофе остынет». Ворота — без «микрофонов».

— Понял, — сказал тот.

У служебной двери пахло мокрым камнем и резиной шлангов от вчерашней откачки. Дом внутри держал другое утро: кухня — тёплая, ещё пустая; малая — ровная; библиотека — дышащая «на два пальца». Марк положил газету на край стола в кабинете, не на вид — в тень лампы, где дерево не «ест» краску. Открыл нижний ящик — пустой, чистый — и положил туда. Не в мусор. В папку «внешний шум» — потом пригодится для «факта»: кто инициировал, какая формулировка, какие даты. Он не любил выбрасывать шум — из шума иногда торчит нужная нитка.

Телефон в кармане дрогнул — короткий, как нерв, которого не заметишь, если руки заняты. Он не доставал. Утро — для дома. Прессу — за калитку.

В холле стояла та самая электрическая тишина — не «лягте спать», а «встаньте и делайте». «Женщина в жемчугах» в галерее была тёмнее, чем днём: свет шёл снаружи серый, не жёсткий. Марк прошёл мимо, одна ладонь скользнула по холодному перилу оранжереи — металл ответил «да». На кухне Лидия уже была — спина в кардигане, волосы в аккуратной, быстрой петле. Кофемашина шипела, расплескивая пар на белый фарфор. Её локоть двигался с той экономией, которую он научился любить сильнее, чем красивые жесты.

Он поставил чашку рядом, не дыша в её. Между блюдцами оставил узкий зазор — «на палец». В этом доме маленькие дистанции говорили громче, чем фразы.

— Доброе, — сказал он.

— Доброе, — ответила она.

Он подумал: «Сейчас не время». И всё равно взгляд пошёл туда, куда идти не надо: как она держит чашку, как кутикулы на пальцах чисты, как ни одна тень не забежала под ноготь — работа не задела рук. Вчерашняя ночь сидела в другом месте — в плечах.

Он уже собирался сказать Василию про доставку — чтобы

тот «развернул» любые свёртки у служебной двери, — когда в дверях показался курьер с обыкновенным пакетом бумаг для администратора. Василий шёл за ним, как тень, держа «периметр». На верхнем листе пакета была та же серость типографской бумаги: кто-то на складе завернул папки в свежий выпуск той же газеты.

Лидия заметила это раньше, чем он. Она подняла взгляд — на секунду, не задавая вопросов, взяла верхнюю полосу двумя пальцами, как берёт тонкую бумагу с плохим клеем, и потянула. Бумага шуршала — резкий звук, как ложка по хрусту. Она отошла на шаг к окну, развернула лист. Двигалась без дрожи.

Маркеничего не сказал. Это было их «новое молчание»: не «спрятать», не «объяснить». Дать вещи прийти и лечь, где она лежит.

Она читала не глазами — лицом. У неё всегда так: бровь поднимется на полмиллиметра — «внимание», уголок рта уйдёт вниз на толщину ногтя — «информация не о деле». Сейчас её лицо менялось медленнее, чем буквы в строке. Строка про «примирение кланов» — у неё дрогнуло веко. Фотография с приёма — она дольше задержала взгляд на самом уголке кадра, где её рука была ближе к его, чем «надо». Подпись «финансовый расчёт» — губы стали тоньше, как ес-

ли бы она попробовала ненужную кислоту и не проглотила. Она ничего не сказала. Бумага пахла краской одинаково, что бы в ней ни было.

Василий стоял в проёме. Он видел, что происходит, и не предлагал ни мусорного ведра, ни полотенца. Он просто был, и это работало как «держать по краям».

Телефон Марка снова дрогнул. Он вынул, глянул: номер без подписи, городской код. Он поднял — только чтобы сказать то, что нужно сказать.

— Да, — коротко.

— Марк, — голос бодрый, визг в конце фразы от кофе и готовности выдать «поздравляем/шок». — Это «столбик» в городских новостях. Вы видели наше утро? «Кланы» — и всё вот это. Дадите «на полосу» комментарий? «Любовь победила ненависть» — прекрасный заголовок.

— Кофе остынет, — сказал он ровно. — Дом — работает. Всего доброго.

Он отключил. Слова «кофе остынет» в этом доме не были «колкостью». Это была механика: закрыть клапан, пока не брызнуло. Он в карман положил телефон экраном к себе —

чтобы вибрация не уползала в стол.

Лидия сложила газетное полотно дважды — аккуратно, по сгибам, чтобы не размазать краску по пальцам. Положила на край стола. Взяла чашку. Выпила глоток — без сахара, как всегда. Поставила. Её лицо было другое — не «обиженное», не «равнодушное». Лицо человека, который держит бумагу на весу и знает, что цифры в ней — чужие.

— Это их язык, — сказал Марк неостро. — Он везде всё сводит к «клану». Дом — не «клан». Дом — работа.

Она кивнула — едва. Это «едва» в этом доме значило «согласна» точнее, чем «да».

Он открыл верхний ящик стола и достал прозрачную папку с тонким кантом. Внутри была одна бумажка с коротким названием: «Пресса/внешний шум». Он положил туда газетный лист, тот, что схватил у ворот. Второй экземпляр — тот, что она держала — он не забрал. Он подвинул к той папке, где у них лежат «счета» на ремонт. Так у него получалось не сделать из бумаги «преступника» и не «вынуть» её из поля зрения. Положить в место, где лежат цифры, которые один раз увидел — и больше не тревожат.

— Я скажу охране, — добавил он. — Если появится кто-

то с «на минуточку» — калитка закрыта. Василий, повторите на служебную, пожалуйста.

— Уже, — сказал Василий. — И — по «комнатам»: персоналу — не трогать «библиотеку», не давать «экскурсий» посторонним. «Утро» — тише.

Он ушёл. Оставил за собой тонко шевельнувшуюся портьеру. Их двоих — оставил с бумажной полосой, которая пахла краской одинаково, что бы в ней ни было.

Марк сел на край стула у малой, спиной чуть к стене — так, чтобы видеть её профиль и дверной проём. Он знал по опыту, как слова «кланы» и «расчёт» ведут себя в комнате. Они распирают уши и заходят под ногти, если их пустить. Он этой гадости не собирался давать кров. Он говорил только то, что нужно:

— Я не стал прятать. Это не «наш» текст. Он пойдёт в папку «шум». Если захочешь — прочитаем вместе, отметим, где нам нужно «ответить» делом. Не словами.

Она улыбнулась уголком — почти нет. Это и была единственно возможная улыбка в утро с таким запахом краски.

— Не сейчас, — сказала она.

— Не сейчас, — повторил он. — Сначала — «карантин» и лампа в библиотеке.

Он сделал глоток. Фарфор стукнул о блюдо своим «дзинь». Его палец, на чашке, оставил ещё одну серую полосу — краска от того экземпляра, что лежал в тени лампы. Он вытер палец о салфетку. Салфетка оставила запах дешёвой бумаги в воздухе. Эта мелочь отвлекла голову лучше разговоров.

Он прошёл в кабинет. Открыл блокнот с тонкой линейкой, где вёл «сводку дня», не «журнал механики», а «управленческий»: «внешний шум/внутренние дела». Карандаш лёг в руку. Он записал:

«Пресса: заголовок «кланы/расчёт». Фото — приём. Ответ — «нет комментариев/кофе остынет». Калитка — закрыто. Охрана — брифинг. Персоналу — без «историй».»

Линия тонкая, но читаемая. Он по опыту знал: через месяц эта строка ничем не будет отличаться от строк «лампа заменена/креплёж проверен». И в этом — был смысл: вытягивать «газетную» волну в плоскую, рабочую плоскость. Телефон снова дрогнул — «неизвестный». Он предпочёл закончить строку до конца. Потом взял. Голос был знаком —

мягкий, но с вязкой нотой «добра»: из тех, кто заменяет аргументы интонацией.

— Доброго утра, — сказал голос. — Прочли ваше «вчерашнее»? Наконец-то город перестанет шептаться. Если хотите, я могу «подсветить» в нашей колонке благородство вашего поступка. Мир любит такие истории.

— У нас сегодня план работ по библиотеке и по подвалу, — сказал Марк. — Мы не подаём истории на «подсветку». Дом — не витрина. Всего доброго.

— Вы не понимаете, — голос попытался ещё раз. — Это шанс. Вы же не хотите жить в тишине...

— Мы очень хотим, — ответил он. — Хорошего дня.

«Кофе остынет» он сегодня уже произносил. Повторять не стал, чтобы слово не обесценилось. Он положил телефон экраном вниз. Придвинул ящик и закрыл мягко, на полсантиметра не до конца, чтобы лента бумаги не прижалась к дереву. Эти мелочи отрезвляли.

Когда он вернулся в малую, Лидия стояла у стеклянной двери оранжереи. Ручка — металл — в её пальцах давала короткую «иглу» холода. Она смотрела на сад так, как смотрят

на лист, на котором только что появилась новая, чужая пометка карандашом: «вот это надо будет стереть», «но не сейчас». Она повернула голову на четверть, заметив его шаг. Ничего не сказала. Он — тоже.

— Я попрошу Василия убирать все «газеты» сразу на служебный, — сказал он так, чтобы звук не ударил о стекло. — В ящик «внешний шум». Оставим один экземпляр у меня в папке — для «факта». Остальное — не надо.

— Скажи, — ответила она.

Он подошёл ближе, но не упёрся словами в её бок. Утро, в этом доме, держалось на том, что не ломает. Он взял с краю стола тот экземпляр, что она разобрала у окна, и положил рядом с другим — уже в папке. Потом вытер пальцы чистой сухой тряпкой — не потому, что краска раздражала, — потому что из воздуха след краски надо убирать так же, как след влаги со столешницы.

— Ещё, — добавил он, — если кто-то в доме захочет «обсудить» ваше лицо на той фотографии, — он подбирал слова ровно, — я скажу «в библиотеке душно» и попрошу всех заняться делом. Это — не «ваша тема». Это — «их бумага».

Она кивнула. Он увидел — на скуле у неё дернулся кро-

шечный мускул. Это не был «знак». Это была «микроволна». Она пошла в сторону библиотеки. Он — за ней, но не «вместе»: на полшага сзади, не заходя. Так, чтобы его «периметр» держал воздух, а её руки — стеллаж.

По дороге, на повороте у галереи, он задержался у панельной коробки звонков — чисто взглядом. Лента внутри лежала светлым язычком, чистым. На ней ещё предстоят сегодняшние «цок». Туда, где пишется ровная жизнь, «газету» не пускают.

Он зашёл в комнату охраны на минуту — дал охране короткий брифинг:

— Никаких «контактов у ворот». Любой «микрофон» — «кофе остынет». Если потребуется, я выйду сам. Камеры — стандарт. Служебная — закрыта.

— Понял, — сказал охранник. — Уже были.

— И ещё, — добавил Марк, — персоналу — без «анекдотов» про «кланы». Это дом. Это — работа.

Он вернулся в коридор. В кухне пахло уже не кофе — чаем. Лидия насыпала сухие листья в маленькое ситечко — зелёный, без «аромата». Её рука двигалась точно, как на лам-

пе. Он посмотрел на неё — не на «газетное лицо», а на эту руку. И понял, что утро, несмотря на бумагу, вернулось туда, где дом живёт — в вещи и тишину.

— По одному правдивому — вечером, — напомнил он, как фиксируют время у панели. — Не из-за «бумаги». Из-за «нас».

— На бумаге, — сказала она, и это в этот раз звучало как «да».

Газета лежала в ящике стола, где ей и место. На пальцах больше не было краски. У двери лежал сухой брезент — стекавшая ночью вода не отличалась теперь от воздуха. Дом стоял ровно.

Телефон снова дрогнул. Он не взял. Окно у оранжереи свистнуло на полтона выше — влажность уронили ещё на долю. Это был правильный звук для утра, в котором бумага остаётся бумажной, а они — делают своё.

Глава 3 . Чужое лицо (звонок)

Телефон завибрировал в кармане без звука — коротко, как «тик» панели. Лидия вынула его, не выходя из полосы света у окна. Номер — из города. Имя — «Катя (музей)».

Голос пошёл сразу, без разминки:

— Прости, что рано. Я видела человека у университета. Он... Это глупо, но он держит голову, как твой отец на фото у мамы. Не «похож» — как будто «та же пружина» в шее. Идёт так же. Я подумала... Скажу.

Внутри что-то щёлкнуло не громко — как снимают крышку со старой банки. Лидия присела на край стула, чтобы рука не дрогнула.

— Где? — спросила она.

— Краеведческий. Архивная дверь. Он вышел на крыльцо с папкой и постоял. Потом вернулся. Я не подошла — это же чья-то жизнь. Прости.

— Спасибо, — сказала Лидия. И отключила.

Воздух в комнате стал гуще. Окно «на палец» свистнуло ниже. В кармане чувствовался ключ «М.В.» — холодный, как край стекла. Она выдохнула коротко, ровно. «Пауза — не враг», сказала себе. Но пауза не отменяет движения, когда движение — по шву.

На столе у неё лежал маленький городской «набор»: тон-

кие перчатки, блокнот «домовой», простой карандаш, две белые прокладки в папке, складной нож для бумаги. Она пододвинула их в одну линию. Сложила в плоскую сумку — не «женскую», рабочую. Добавила чистую салфетку в пакетике — привычка «переносить чужие поверхности», не трогая. Ничего лишнего.

В прихожей она надела пальто — шерсть пахла домовитом. Спрятала телефон в внутренний карман, ближе к себе. Шарф — узел просто, чтобы не давить горло. Сапоги — сухие. Шаг — короткий. Служебная дверь дала сухой «кх». Лестница сказала своё «тик» на «третьей». Василий вышел из тени у щитовой, не спрашивая. Он умел слышать, когда человек «едет» не за хлебом.

— Машину подать? — спросил он ровно.

— Я сама, — ответила она. — Быстро. В город. Расходники.

Ложь не прозвучала. Предлог — да. Василий кивнул не как «верю/не верю», а как человек, который держит дом, а не чужие мотивы.

— Служебная «складная» на месте, — сказал он. — Либо такси у калитки. По «мокрому» — лучше такси. Двор —

грязь.

— Такси, — сказала она.

На кухне у кофемашины стоял Марк. Шум пара заглушал телефон — или наоборот. Он поднял голову и понял — по тому, как пальто застёгнуто на один нижний крючок вместо двух, по тому, как шарф завязан «на ходу», по тому, что её рука проверила карман с ключом и блокнотом — раз, коротко. Это было «еду». Он поставил чашку, не пьян. Между их блюдами утром был зазор «на палец». Сейчас его не было — чашки разошлись дальше: она уже в пути.

— В библиотеке душно, — сказала она.

Он кивнул. Сделал то, что делают с этой фразой: не лезть под кожу.

— Нужен ли водитель? — спросил он. Это была не «проверка», а предложение.

— Нет, — ответила она слишком быстро. И тут же хотела добавить «потом», «вечером скажу». Не добавила.

Он на секунду закрывал рот губами — жест «снять слово». Потом сказал только:

— Время?

— Ненадолго, — сказала она. — Архив.

Он вздохнул едва слышно. Лишние фразы сейчас только сломали бы. Он шагнул в сторону, чтобы не перекрывать ей проход, и у двери, мимоходом, положил ладонь на холод перил — «держаться». Она поймала краем глаза этот простой, понятный жест — и злость на себя подступила на полсекунды: они утром договорились «вместе», а оказалась «одна». Но слово «отец» уже стояло в голове как наклеенный ярлык, и рука тянулась к нему — не к договору.

В холле пахло полиролью. Галерея — прохладой. Женщина в жемчугах — молчала. Охранник у ворот посмотрел на неё — спокойно, без вопросов. Калитка открылась без скрипа. Снаружи воздух был как ватман — влажный, серый, плотный. Асфальт пах смолой, как всегда после дождя. Такси подкатило на вызов тихо. Водитель взглянул в зеркало — ничего не спросил.

В городе улицы ещё не просохли; колёса оставляли на дороге тонкие тёмные следы. Лидия смотрела не в окно — в свои пальцы. Пальцы лежали ровно — не на коленях, а на крае сумки. Большой палец — на молнии, чтобы, если надо,

открыть одним движением. Телефон — молчал. Настроение — не «тайна», не «драма». Рабочий режим на высокой ноте.

Университетская набережная пахла мокрой штукатуркой и кофе из открытых дверей. У края парка кто-то тянул шланг к клумбе — вода вошла в землю, звук «шш» поплыл вдоль тротуара. Краеведческий музей выглядел так, как любят эти здания: фасад с выщербленными орнаментами, косяк, отполированный руками, табличка со старым шрифтом. Ручка двери была латунной, матовой, приятной пальцам. Она не взяла — ей сначала нужно было посмотреть.

Она остановилась у ступеней, чуть в стороне, чтобы не мешать людям. Окно архива было приоткрыто «на палец». Изнутри пахло пылью и колой от чьего-то стола, смешанной с библиотечным клеем — узнаваемый запах любых «нижних комнат». Она увидела через стекло мужчину за столом. Профиль — не лицо — разрезался тенью: подбородок, который не выпячивается, а «держит линию»; шея, стоящая как пружина; рука, складывающая на столе лист вдвое «по воздуху», потому что не доверяет столу. Это были движения, которые она помнила с кухонного стола у матери — не «фотографию», а «жест». Паузы между словами — даже через стекло видно по губам: он не «смягчает» паузу вздохом — даёт ей быть. Отец тоже давал паузе быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.